

УДК 340.15

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Трошкина Д. Э.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

В статье исследуется становление и развитие дефиниции «контрреволюционное преступление», дается анализ составов государственных преступлений, таких как «контрреволюционный саботаж», «присвоение функций государственной власти», «контрреволюционная организация», «контрреволюционный заговор, мятеж, восстание», «контрреволюционная агитация и пропаганда», «дискредитирование власти», «государственная измена», «шпионаж», «укрывательство изменников и шпионов», «диверсионный акт», «политическое хулиганство», «активная борьба с революционным движением при царизме», «сокрытие в контрреволюционных целях боевого оружия», «подделка денежных знаков, подлог в контрреволюционных целях документов», «участие в контрреволюционных целях в поджогах и взрывах». Автор статьи пришел к выводу, что радикальная трансформация социально-экономического строя и государственной идеологии требовала кардинальных изменений в политико-правовой сфере. Анализ нормативно-правовой базы советского государства по борьбе с контрреволюцией периода 1917 – 1922 гг. показал противоречивость правовых норм, наличие неоднозначных (двусмысленных) формулировок, абстрактное изложение норм права, существование многочисленных пробелов в законодательстве, которые использовались руководством государства для сохранения политической власти.

Ключевые слова: уголовное право, история уголовного права, контрреволюция, государственные преступления, некодифицированное законодательство, советская власть, советское государство.

В настоящее время наблюдается печальная статистика роста числа преступлений, совершаемых против государственной власти. Согласно данным, предоставленными Судебным департаментом Верховного Суда Российской Федерации, за последние три года (2019 – 2021 гг.) увеличилось количество осужденных за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства на 251 чел. (в 2019 г. было осуждено 276 чел., в 2020 г. – 304 чел., в 2021 г. – 527 чел.). Из них число лиц, осужденных по ст. 275 (государственная измена) Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) повысилось с 8 до 14 чел.; по ч. 1 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации) с 8 до 13 чел.; по ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации с использованием средств массовой информации) с 109 до 242 чел.; по ст. 276 УК РФ (шпионаж) стабильно до 3 чел. [25]. Приведенная статистика свидетельствует об актуальности исследования отечественного опыта борьбы с таким опасным явлением как преступление против государства.

В современной отечественной историографии немало работ [1, 4, 7, 12, 19, 22 и др.], посвященных анализу советского уголовного законодательства. Однако период его зарождения (1917 – 1922 гг.) освещается недостаточно. Отсутствие определения государственного преступления, закрепленного перечня его составов в конкретном нормативном правовом акте, а также анализа практики применения норм борьбы с контрреволюционной деятельностью составляют пробелы, имеющиеся в настоящее время в юридической науке.

Целью данной статьи является исследование составов государственных преступлений периода 1917 – 1922 гг., к которым относились «контрреволюционный саботаж», «присвоение функций государственной власти», «контрреволюционная организация», «контрреволюционный заговор, мятеж, восстание», «контрреволюционная агитация и пропаганда», «дискредитирование власти», «государственная измена», «шпионаж», «укрывательство изменников и шпионов», «диверсионный акт», «политическое хулиганство», «активная борьба с революционным движением при царизме», «сокрытие в контрреволюционных целях боевого оружия», «подделка денежных знаков, подлог в контрреволюционных целях документов», «участие в контрреволюционных целях в поджогах и взрывах».

Одним из приоритетных направлений деятельности органов советской власти в 1917 – 1922 гг. была борьба с контрреволюцией как социально опасным явлением для общества и государства. В этот период формируются составы контрреволюционных преступлений, направленных непосредственно против диктатуры пролетариата, завоеваний Октябрьской революции, советского государства. За период с октября 1917 г. по апрель 1922 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) и Советом народных комиссаров (СНК) было принято более 100 законодательных актов, опубликованных в официальных изданиях «Известия ВЦИК», «Правда», «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства», содержащих предписания по вопросам уголовного права [2]. Нельзя не согласиться с мнением профессора В.М. Сырых, что «советское государство в сфере уголовной политики избрало методы «тиранического государства» [7, с. 389], переложив обязанности законодателя по разработке и принятию кодифицированного уголовного закона на правоприменительные органы (ВЧК, революционные трибуналы), которые должны были определять меры преступного деяния.

В советском уголовном законодательстве 1917 – 1922 гг. отсутствовала четкая дефиниция «контрреволюционное преступление». Законодательство первых лет советской власти складывалось стихийно, бессистемно путем принятия нормативных правовых актов, как государственными органами власти, так и органами, деятельность которых была направлена на противодействие контрреволюции.

Одним из первых составов контрреволюционного преступления является «контрреволюционный саботаж», который был легализован советскими органами власти сразу после совершения Октябрьской революции. Как отмечают А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов «борьба с контрреволюционным саботажем была сформулирована в общеполитической форме, в виде призыва к трудящимся объединиться вокруг советской власти и вести непосредственную борьбу с саботажниками» [17, с. 183]. Так, обращение народного комиссара по Министерству почт и телеграфов от 9 ноября 1917 г. «О борьбе с саботажем высших почтово-телеграфных чиновников» [14], а также обращение СНК ко всем армейским организациям, Военно-Революционным комитетам, всем солдатам на фронте от 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» [15] содержали призывы советской власти для подавления саботажа в продовольственной и почтово-телеграфной сферах деятельности. Однако вышеуказанные законодательные акты не содержали конкретного определения «контрреволюционного саботажа», но закрепляли ряд признаков характерных для данного состава контрреволюционного

преступления. Во-первых, преступное деяние выражалось в совершении непосредственного действия, заключающегося в неисполнении служебных обязанностей, невыполнении декретов и приказов; во-вторых, субъектами саботажа выступали «враги народа, капиталисты, а также враги народовластия»; в-третьих, контрреволюционная цель и умысел должны были быть направлены на подрыв советской власти и завоеваний Октябрьской революции [17, с. 183].

Для борьбы с «контрреволюционным саботажем», а также с «мародерством, хищничеством и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц» [11] декретом СНК от 24 ноября 1917 г. «О суде» утверждались «рабочие и крестьянские Революционные Трибуналы». Деятельность революционных трибуналов была регламентирована инструкцией Народного комиссара юстиции (НКЮ) от 19 декабря 1917 г. «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний», согласно которой данный орган правосудия рассматривал дела о саботаже, определял виновным наказания, руководствуясь при этом «обстоятельствами дела и велениями революционной совести» [20]. Данный нормативный акт подчеркивает тот факт, что основополагающим критерием в деятельности судебных органов являлось революционное правосознание.

Позднее определение «контрреволюционного саботажа» появилось в постановлении Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов», опубликованного в «Известия ВЦИК» 6 октября 1918 г. [2, с. 35 – 37], где саботаж заключался в противодействии советскому правительству путем призывов к неисполнению или игнорированию декретов и иных постановлений органов советской власти; нарушении деятельности общественных или правительственных организаций, а также призыве к саботажу или его организации.

Отдельным видом контрреволюционного преступления ВЦИК признавал присвоение функций государственной власти (постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов от 5 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» [10]). Поэтому к любому, кто предпринимал попытку завладеть советской властью, применялись все имеющиеся средства подавления, в том числе и вооруженные силы.

Наиболее опасным составом контрреволюционного преступления для советской власти являлась «контрреволюционная организация», выражающаяся в формах «контрреволюционного заговора, мятежа, восстания». Первые документы Совета народных комиссаров содержали призывы к борьбе с «врагами народа» (обращение СНК от 26 ноября 1917 г. ко всему населению «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой» [5], обращение СНК от 30 ноября 1917 г. ко всем трудящимся и эксплуатируемым «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией» [6]).

Дела о «контрреволюционных восстаниях, мятежах и заговорах» наряду с «контрреволюционным саботажем» подлежали рассмотрению председателями революционных трибуналов. В качестве наказания за данное контрреволюционное преступление к виновному могли быть применены: «1) денежный штраф; 2) лишение свободы; 3) удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Россий-

ской Республики; 4) объявление общественного порицания; 5) объявление виновного врагом народа; 6) лишение виновного всех или некоторых политических прав; 7) секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного; 8) признание к обязательным общественным работам» [20]. Стоит отметить, что на практике при отправлении правосудия революционные трибуналы не всегда руководствовались нормами вышеуказанной инструкции НКЮ. Примерами данного факта служат дело Ф.И. Великанова (бывшего священника), обвиняемого Военно-полевым трибуналом Военно-Революционного Совета 5-й армии за «участие в контрреволюционной аванюре чехословаков» и приговоренного к расстрелу; а также дело А.В. Веллинга (судебного следователя), осужденного революционным трибуналом при Штабе Командующего Котласским районом к высшей мере наказания за организацию восстания против советской власти и агитацию за Временное правительство [23].

В постановлении Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» советский законодатель определял «контрреволюционные мятежи и восстания» как «подготовку, организацию или участие в контрреволюционном выступлении против Советского правительства; непосредственное участие в указанном выступлении вне зависимости от осведомленности лица или его членства в организации, готовившей такое деяние; участие в контрреволюционных заговорах и организациях, целью которых является свержение советской власти, независимо от того, что в результате данной деятельности не было контрреволюционного выступления» [2, с. 35]. Соучастники, принимавшие участие в «контрреволюционных восстаниях и мятежах» привлекались к ответственности наравне с исполнителями преступного деяния.

Следует отметить, что выступления, сопровождающиеся погромами, угрозами или иными действиями насильственного характера, совершенные в отношении нормальной деятельности органов советской власти квалифицировались законодателем как контрреволюционные [2, с. 35]. Вместе с тем, если данные деяния совершались при помощи набатного звона, то лица признавались участниками указанного «контрреволюционного выступления». Так, Уральская чрезвычайная комиссия за неделю расстреляла 23 «бывших жандарма», 154 «контрреволюционера», 8 «монархистов», 28 «членов партии кадетов», 186 «офицеров» и 10 «меньшевиков и правых эсеров» за «контрреволюционные выступления». «Известия Царицынского Губчека» сообщают о привлечении за контрреволюционную деятельность 50 человек к высшей мере наказания, 321 – к заключению в концентрационный лагерь «как заложников вплоть до полной ликвидации всех контрреволюционных восстаний» [12, с. 99]. Из представленных сведений, очевидно, что население подвергалось карательной политике советской власти, реализуемой, как органами ВЧК, так и революционными трибуналами.

Одним из проблемных вопросов уголовного законодательства советского государства периода 1917 – 1922 гг. было отнесение ряда общеуголовных преступлений к контрреволюционным деяниям. Советский деятель А.А. Герцензон считал, что данное разграничение в период гражданской войны нецелесообразно, в виду того, что «восстания с контрреволюционной целью, массовые беспорядки и бандитизм настолько тесно переплетались между собой, что провести между ними какую-либо грань не предоставлялось возможным» [13, с. 31]. Поэтому лицо, совершившее об-

щеуголовное преступление подвергалось репрессивным мерам воздействия как за контрреволюционное. По мнению Т.К. Агузарова: «Понять ситуацию, складывающуюся в первые годы советской власти, вероятно, можно, однако теоретически оправдать этим отнесение общеуголовных преступлений к контрреволюционным вряд ли допустимо» [4, с. 326].

Основой противодействия контрреволюционной деятельности являлся «террор», узаконенный советской властью постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» [3]. Как отмечает, В.М. Сырых «государственный террор, легализованный действующим законодательством и осуществляемый органами государственной власти, представляет собой государственно-организованный террор, который является законным, ... но является неправовым» [19, с. 213].

Ряд декретов 1917 – 1918 гг. предусматривали ответственность за контрреволюционную агитацию и пропаганду. Декрет «О Революционном Трибунале Печати», утвержденный СНК 28 января 1918 г. [8], содержал положение о создании специализированных трибуналов по борьбе с контрреволюцией, совершенной посредством печати. Так, любые ложные сообщения или сведения о событиях в общественной жизни относились к преступлениям и проступкам антисоветского характера, потому как они посягали на права и интересы революционного народа. За созыв людей набатным звоном, тревожными гудками или иными действиями к совершению контрреволюционных деяний граждан или группа лиц привлекались к ответственности за контрреволюционную деятельность в соответствии с постановлением СНК от 30 июля 1918 г. «О набатном звоне» [9]. Данные составы контрреволюционных преступлений считались оконченными с момента совершения преступных действий (т.е. распространение ложных сведений, созыв людей набатным звоном) вне зависимости от наступления преступного результата. Тем самым, советский законодатель предоставил возможность революционным трибуналам привлекать к ответственности лиц за покушение на преступление [17, с. 153].

Одной из форм контрреволюционной пропаганды и агитации было дискредитирование власти. Согласно постановлению Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» данное деяние толковалось как «сообщение, распространение или разглашение ложных или непроверенных сведений в средствах массовой информации, в публичных местах или собраниях, вызывая тем самым панику в обществе, а также недоверие и недовольство к советской власти» [2, с. 36]. Высшей мерой наказания за данное деяние был расстрел. Репрессиям правоохранительных органов советской власти подверглись лица разного рода деятельности. Например, гражданин Н.К. Левченко (счетовод) в 1920 г. был приговорен к расстрелу Особым пограничным отделением Особого отдела 9-й Кубанской армии за умышленное дискредитирование власти рабочих и крестьян, выразившееся в искажении декретов СНК. В том же году священник И.В. Вишневецкий расстрелян по приговору Коллегии Екатеринбургской Губернской ЧК за дискредитирование советской власти, антисоветскую пропаганду среди темных масс. Крестьянин В.А. Пашин в 1919 г. осужден Президиумом Челябинской чрезвычайной комиссией к расстрелу за агитацию против советской власти [23]. Указанные граждане были реабилитированы посмертно в соответствии с законом Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» [24]. По справедливому мнению М.О. Акишина, массовые репрессии, проводимые советской

властью, представляли собой акты политической расправы, а не правовое применение норм уголовного права [27, с. 15].

Следующими составами контрреволюционных преступлений были «государственная измена, шпионаж, укрывательство изменников, шпионов» [17, с. 191]. Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» [18] не раскрывал дефиниций государственной измены и шпионажа, а только называл их, указывая, на то, что органы ВЧК и губернские чрезвычайные комиссии наделяются «правом непосредственной расправы (вплоть до расстрела)» за контрреволюционные преступления. Однако, постановление Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» интерпретировало шпионаж как контрреволюционную деятельность, заключающуюся в оглашении, передаче военных тайн, стратегических планов, сведений о военных силах или вооружении представителям иностранных государств или контрреволюционным организациям. К так называемым «шпионам» советский законодатель относил иностранных агентов, а также лиц, вербуемых органами иностранных государств [20, с. 36]. Согласно сведениям, представленными из информационной сводки секретного отдела ВЧК за период с 1 по 8 августа 1919 г. [21] в Нолинском уезде местными органами ВЧК было задержано 10 чел. за шпионаж; в Верхосунской волости – 2 чел.; в Медведненском районе – 4 чел. Всего в 1921 г. за шпионаж было репрессировано 7179 человек, в 1922 г. – 7023 [22].

Также одним из составов контрреволюционного преступления признавался диверсионный акт, который декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» толковал как «участие в контрреволюционных целях в поджогах и взрывах; умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, мостов и других сооружений, телеграфного и телефонного сообщения, складов воинского вооружения, снаряжения, продовольственных и фуражных запасов» [17, с. 192]. Следует отметить, что за совершение данного контрреволюционного деяния устанавливалась высшая мера наказания (расстрел), которая могла быть применена к лицу, застигнутому на месте совершения преступления, на основании постановления Совета Рабочей и Крестьянской Обороны от 10 октября 1919 г. «Об ответственности за злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений» [26].

Кроме вышеуказанных составов контрреволюционных преступлений, декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» предусматривал перечень преступных деяний, за которые органы ВЧК и губернские чрезвычайные комиссии также наделялись «правом непосредственной расправы». К таким преступлениям относились «сокрытие в контрреволюционных целях боевого оружия; подделка денежных знаков, подлог в контрреволюционных целях документов; участие в контрреволюционных целях в поджогах и взрывах; бандитизм; разбой и вооруженный грабеж; взлом Советских и общественных складов и магазинов, с целью незаконного хищения; незаконную торговлю кокаином» [18]. Однако, согласно примечанию в указанном декрете в отношении преступлений, связанных с принадлежностью к контрреволюционной организации и участием в заговоре против советской власти, правоприменительным органам необходимо было руководствоваться инструкциями, разработанными ВЧК, а в отношении остальных составов преступлений нормативные правовые акты от-

существовали. Например, оставалось неясным, в чем должны были выражаться контрреволюционные цели при подлоге документов, хранении боевого оружия, при поджогах и взрывах; чем отличается умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, мостов и других сооружений от аналогичных деяний, совершенных по неосторожности или самонадеянности; возможно ли применение указанного декрета за укрывательство к лицу, не владеющим информацией о том, что укрываемое им лицо является изменником или шпионом и т.д. [7, с. 392].

К контрреволюционным преступлениям советское уголовное законодательство относило «хулиганство», а также активную борьбу с революционным движением при царизме [17, с. 192]. Определения данных преступных деяний содержались в постановлении Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов», согласно которому «хулиганством» призывались деяния, направленные на дезорганизацию советской власти, а также на оскорбление нравственных чувств или политических убеждений окружающих [2, с. 37]. Впоследствии появился термин «политическое хулиганство» [4, с. 329]. В примечании к статье о хулиганстве указывалось, о привлечении к ответственности лиц, прошлая деятельность которых признавалась «социально вредной для революции или была направлена против нее». К таким законодатель относил «provokatorov», «охранников», «осведомителей», «царских сановников», «иных деятелей старого режима» [2, с. 37]. Профессор В.М. Сырых указывает, что данная норма представляет собой законодательный произвол, так как придание обратной силы советскому закону, распространяет его на отношения, имевшие место в другом государстве, в котором действовали иные законы и иное понимание правомерного и противоправного [7, с. 402].

Принятые советской властью нормативные правовые акты по борьбе с контрреволюцией отличаются чрезвычайной жестокостью мер, которые применяло государство к лицам и социальным группам за действия, не являющимися общественно опасными. Законодатель не установил конкретного перечня составов преступлений, которые должны признаваться контрреволюционными, поэтому правоприменительные органы руководствовались предписаниями по вопросам контрреволюционной деятельности и применяли соответствующего рода репрессии к гражданам, совершившим подобные деяния. Наделение правоприменительного органа законотворческими функциями создало дополнительные условия для грубейших нарушений законности, привлечения к ответственности невиновных лиц.

Первым актом, систематизировавшим положения Общей части уголовного права и обобщившим судебную практику, было постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.». Во введении к «Руководящим началам», отмечалось, что пролетариат достаточно успешно справлялся с так называемыми «врагами народа» путем применения тех или иных мер насилия бессистемно и не организованно. Однако двухлетняя борьба показала необходимость в разработке систематизированного уголовного законодательства на основе нового «пролетарского права» [16]. В качестве основной задачи советское уголовное право определяло охрану общественных отношений путем репрессий. В данном акте закреплялись положения об обстоятельствах, определяющих вид наказания, понятиях преступления, невменяемости, субъекта преступной деятельности, формах вины, стадиях совершения преступления и видах соучастия, институте наказания. «Руководящие начала» содержали основные принципы уголовной политики советского

государства, которые служили предпосылкой для создания кодифицированного уголовного кодекса.

Разработчики «Руководящих начал», в число которых входили представители советской власти и правосудия П.И. Стучка, Н.В. Крыленко, М. Козловский, Д.И. Курский и др., пытались оправдать неправоую практику применения уголовной ответственности без соответствующего уголовного законодательства на основании того, что новое советское право может формироваться только в условиях советского государства и посредством революционной деятельности народа. Только после того как «революционный народ» совершит множество правонарушений и преступлений для идеологов, политиков, ученых и правоведов наступает время изучения бесценного опыта и извлечения новелл советского права для систематизации уголовного законодательства [7, с. 390].

Как считает профессор В.М. Сырых, законодатель не должен был ждать два года неправового применения неквалифицированными судьями «тех или иных мер насилия», чреватого массовым привлечением к уголовной ответственности невинных лиц, в том числе и применения высшей меры наказания [7, с. 390].

Таким образом, анализ нормативно-правовой базы советского государства по борьбе с контрреволюцией периода 1917 – 1922 гг. показал противоречивость правовых норм, наличие неоднозначных (двусмысленных) формулировок, абстрактное изложение норм права, существование многочисленных пробелов в законодательстве, которые использовались руководством государства для сохранения политической власти.

Список литературы:

1. Токарева С.Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // *Lex Russica*. – 2019. – № 10 (155). – С. 154-160.
2. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952. / сост.: проф. А.А. Герцензон; под ред. [и с предисл.] проф. И.Т. Голякова. – М.: Госюриздат, 1953. – 464 с.
3. Постановление СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1917 – 1918. № 65. Ст. 710.
4. Памятники российского права: учебно-научное пособие: в 35 т. / Бобровский О.В. и др.; под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2013 – 2017. Т. 28: Уголовные кодексы РСФСР / Агузаров Т.К., 2016. – 564 с.
5. Обращение Совета Народных Комиссаров от 26 ноября 1917 г. ко всему населению «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой» // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1917. № 4. Ст. 53.
6. Обращение Совета Народных Комиссаров от 30 ноября 1917 г. ко всем трудящимся и эксплуатируемым «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией» // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1917. № 4. Ст. 64.
7. Сырых В.М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское: монография / В.М. Сырых. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 469 с.
8. Декрет СНК от 28 января 1918 г. «О Революционном Трибунале Печати» // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1918. № 28. Ст. 362.
9. Постановление СНК от 30 июля 1918 г. «О набатном звоне» // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1918. № 57. Ст. 628.
10. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов от 5 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1918. № 14. Ст. 202.
11. Декрет Совета Народных Комиссаров от 24 ноября 1917 г. «О суде» // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1917. № 4. Ст. 50.

12. Куртуа С. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии / Стефан Куртуа, Никола Верт, Жан-Луи Панне, Анджей Пачковский, Карел Бартошек, Жан-Луи Марголен; Перевод с французского. – [Издание второе, исправленное]. – М.: Три века истории, 2001. – 766 с.
13. Герцензон А.А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства // Советская юстиция. – 1938. – № 1. – С. 29 – 33.
14. Обращение народного комиссара по Министерству почт и телеграфов от 9 ноября 1917 г. «О борьбе с саботажем высших почтово-телеграфных чиновников» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 3. Ст. 30.
15. Обращение СНК ко всем армейским организациям, Военно-Революционным комитетам, всем солдатам на фронте от 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 3. Ст. 29.
16. Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР.» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1919. № 66. Ст. 590.
17. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов [и др.]. – М.: Юрид. изд-во, 1948 (Ленинград : тип. им. Евг. Соколовой). – 466 с.
18. Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1919. № 27. Ст. 301.
19. Сырых В.М. Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобоострастия): монография / В.М. Сырых. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 515 с.
20. Инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1917 – 1918. № 12. Ст. 170.
21. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918 – 1922 гг. / Ин-т рос. истории Рос. академии наук, Дом наук о человеке (Франция), Центр. архив ФСБ Российской Федерации, Ин-т истории новейшего времени (Франция), под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 864 с.
22. Мозохин О.Б. Статистика репрессивной деятельности органов СССР // Статистика Российской Империи, СССР и Российской Федерации [Электронный ресурс]: Проект «Исторические материалы». URL: <https://istmat.org/node/256> (дата обращения 29.08.2022).
23. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]: Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» // URL: <https://lists.memo.ru/index3.htm>. (дата обращения 29.08.2022).
24. Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 31 октября 1991 г. № 44. Ст. 1428.
25. Судебная статистика [Электронный ресурс]: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (дата обращения 13.09.2022).
26. Постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны от 10 октября 1919 г. «Об ответственности за злоумышленное разрушение железнодорожных сооружений» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 50. Ст. 488.
27. Акишин М.О. Исследование В.М. Сырых о ленинской теории пролетарского государства // Ленинградский юридический журнал. № 1. 2018. С. 9 – 19.

Troshkina D. E. State crimes in the criminal legislation of the first years of soviet power // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – P. 505-515.

The article analyzes the composition of state crimes of the Soviet criminal legislation. One of the activities of the Soviet authorities was the fight against counterrevolution as a socially dangerous phenomenon for society and the state. Criminal acts directed directly against the dictatorship of the proletariat, the conquests of the October Revolution, and the Soviet State constituted the content of State crimes. However, shortcomings in the activities of the party and the Soviet government, expressed in the absence of codified criminal legislation on the qualification of state crimes, as well as illiterate and poorly educated personnel engaged in activities to combat counter-revolution, led to mass victims of political repression.

In the course of the conducted research, the regulatory and legal framework of the Soviet state for combating the counterrevolution of the period 1917 - 1922 was analyzed, the types of counterrevolutionary activities were identified and their description was given. It is concluded that there was no definition of "counterrevolutionary crime" in the uncodified Soviet criminal legislation. Certain elements of counter-revolutionary activity were legalized by the Soviet authorities.

Key words: criminal law, history of criminal law, counterrevolution, state crimes, crimes, uncodified legislation, soviet power, the Soviet state.

Spisok literatury:

1. Tokareva S.N. Kodifikaciya ugolovnogo prava v pervy`e gody` sovetsoj vlasti: ot preemstvennosti k samostoyatel`nosti // Lex Russica. – 2019. – № 10 (155). – S. 154-160.
2. Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR. 1917 – 1952. / sost.: prof. A.A. Gercenzon; pod red. [i s predisl.] prof. I.T. Golyakova. – Moskva : Gosyurizdat, 1953. – 464 s.
3. Postanovlenie SNK ot 5 sentyabrya 1918 g. «O krasnom terrore» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. 1917 – 1918. № 65. St. 710.
4. Pamyatniki rossijskogo prava: uchebno-nauchnoe posobie: v 35 t. / Bobrovskij O.V. i dr.; pod obshh. red. R.L. Xachaturova. – M.: Yurlitinform, 2013 – 2017. T. 28: Ugolovny`e kodeksy` RSFSR / Aguzarov T.K., 2016. – 564 s.
5. Obrashhenie Soveta Narodny`x Komissarov ot 26 noyabrya 1917 g. ko vsemu naseleniyu «O bor`be s kontrrevolyucionny`m vosstaniem Kaledina, Kornilova, Dutova, podderzhivaemy`m Central'noj Radoj» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1917. № 4. St. 53.
6. Obrashhenie Soveta Narodny`x Komissarov ot 30 noyabrya 1917 g. ko vsem trudyashhimy`m i e`ksploatiруemy`m «O podavlenii kontrrevolyucionnogo vosstaniya burzhuzii, rukovodimogo kadetskoj partiej» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1917. № 4. St. 64.
7. Sy`ry`x V.M. Krasny`j terror: kanony` biblejskie, da ispolnenie plebejskoe: monografiya / V.M. Sy`ry`x. – M.: Yurlitinform, 2018. – 469 s.
8. Dekret SNK ot 28 yanvary` 1918 g. «O Revolyucionnom Tribunale Pechati» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1918. № 28. St. 362.
9. Postanovlenie SNK ot 30 iyulya 1918 g. «O nabatnom zvone» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1918. № 57. St. 628.
10. Postanovlenie Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov Rabochix, Soldatskix i Krest'yanskix Deputatov ot 5 yanvary` 1918 g. «O priznanii kontrrevolyucionny`m dejstviem vsekh popy`tok prisvoit` sebe funkcii gosudarstvennoj vlasti» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1918. № 14. St. 202.
11. Dekret Soveta Narodny`x Komissarov ot 24 noyabrya 1917 g. «O sude» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1917. № 4. St. 50.
12. Kurtua S. Chernaya kniga kommunizma: Prestupleniya, terror, repressii / Stefan Kurtua, Nikolya Vert, Zhan-Lui Panne, Andzhej Pachkovskij, Karel Bartoshek, Zhan-Lui Margolen; Perevod s francuzskogo. – [Izdanie vtoroje, ispravlennoe]. – M.: Tri veka istorii, 2001. – 766 s.
13. Gercenzon A.A. Razvitie ponyatiya kontrrevolyucionnogo prestupleniya v istorii socialisticheskogo ugolovnogo zakonodatel'stva // Sovetskaya yusticiya. – 1938. – № 1. – S. 29 – 33.
14. Obrashhenie narodnogo komissara po Ministerstvu pocht i telegrafov ot 9 noyabrya 1917 g. «O bor`be s sabotazhem vy`sshix pochtovo-telegrafny`x chinovnikov» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1917. № 3. St. 30.
15. Obrashhenie SNK ko vsem armejskim organizacijam, Voenno-Revolyucionny`m komitetam, vsem soldatam na fronte ot 11 noyabrya 1917 g. «O bor`be s burzhuziej i ee agentami, sabotiruyushhimi delo proizvodstviya armii i prepjatstvuyushhimi zaklyucheniyu mira» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1917. № 3. St. 29.
16. Postanovlenie NKYu ot 12 dekabrya 1919 g. «Rukovodyashhie nachala po ugolovnomu pravu R.S.F.S.R.» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1919. № 66. St. 590.
17. Istoriya sovetsoj ugolovnogo prava / A.A. Gercenzon, Sh.S. Gringauz, N.D. Durmanov [i dr.]. – M.: Yurid. izd-vo, 1948 (Leningrad : tip. im. Evg. Sokolovoj). – 466 s.
18. Dekret VCIK ot 20 iyunya 1919 g. «Ob iz`yatiyax iz obshhej podsudnosti v mestnostyax, ob`yavlenny`x na voennom polozhenii» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva. 1919. № 27. St. 301.
19. Sy`ry`x V.M. Neizvestny`j Lenin: teoriya socialisticheskogo gosudarstva (bez pristrastiya i podobostrastiya): monografiya / V.M. Sy`ry`x. – M.: Yurlitinform, 2017. – 515 s.
20. Instrukiya NKYu ot 19 dekabrya 1917 g. «O revolyucionnom Tribunale, ego sostave, delax, podlezhashhix ego vedeniyu, nalagaemy`x im nakazaniyax i o poryadke vedeniya ego zasedanij» // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. 1917 – 1918. № 12. St. 170.
21. Sovetskaya derevny` glazami VChK – OGPU – NKVD. 1918 – 1939. Dokumenty` i materialy`. V 4-x t. T. 1. 1918 – 1922 gg. / In-t rosijskoj istorii Ros. akademii nauk, Dom nauk o cheloveke (Franciya), Centr. arxiv FSB Rossijskoj Federacii, In-t istorii novejshego vremeni (Franciya), pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. – M.: «Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya» (ROSSPE`N), 1998. – 864 s.
22. Mozoxin O.B. Statistika repressivnoj deyatel`nosti organov SSSR // Statistika Rossijskoj Imperii, SSSR i Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]: Proekt «Istoricheskie materialy`». URL: <https://istmat.org/node/256> (data obrashheniya 29.08.2022).
23. Zhertvy` politicheskogo terrora v SSSR [E`lektronny`j resurs]: Mezhdunarodnoe istoriko-prosvetitel'skoe, blagotvoritel'noe i pravozashhitnoe obshhestvo «Memorial» // URL: <https://lists.memo.ru/index3.htm>. (data obrashheniya 29.08.2022).

24. Zakon Rossijskoj Federacii ot 18 oktyabrya 1991 g. № 1761-1 «O reabilitacii zhertv politicheskix repressij» // Vedomosti S`ezda narodny`x deputatov Rossijskoj Federacii i Verxovnogo Soveta Rossijskoj Federacii ot 31 oktyabrya 1991 g. № 44. St. 1428.
25. Sudebnaya statistika [E`lektronny`j resurs]: Sudebny`j departament pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (data obrashheniya 13.09.2022).
26. Postanovlenie Soveta Rabochej i Krest'yanskoj Oborony` ot 10 oktyabrya 1919 g. «Ob otvetstvennosti za zloumy`shlennoe razrushenie zheleznodorozhny`x sooruzhenij // Sobranie zakononij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel`stva RSFSR. 1919. № 50. St. 488.
27. Akishin M.O. Issledovanie V.M. Sy`ry`x o leninskoj teorii proletarskogo gosudarstva // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. № 1. 2018. S. 9 – 19.
- .